

Т.Кохер прожил долгую, яркую, очень своеобразную, не похожую на другие жизнь. Прожил всю ее с Богом в своей красивой чистой душе. Высокодухотворенный образ Кохера прекрасно запечатлел один из поздних его портретов, вышедших из мастерской художника Vollenweiser'a, «одного из самых талантливых портретистов современной Швейцарии» (Врач, 1896, №6, с.174). Бернская фирма «Kunsthandlung von Goerreg und Lekmann» в 1896 г. выпустила в продажу фоторепродукцию с этого полотна живописца. На портрете возроденческое лицо, излучающее достоинство и разум. Его руками с чуткими длинными и изящными пальцами – руками, спасшими тысячи человеческих жизней, невозможно не залюбоваться. Чело Кохера отмечено мудростью прожитых лет, и весь его облик озарен изнутри немеркнущим светом душевного благородства и человеколюбия.

Литература

- 1 Бир А, Браун Г, Кюммель Г Оперативная хирургия Т2, отдел 8 - М, Л, 1931
- 2 Брейдо ИС История антисептики и асептики в России - Л, 1956 - С 62,69,71,103-104,150,180,181
- 3 Врач - 1896 - №6 - С 174
- 4 Кишкин Н, Головин С Из Петербургского медико-хирургического общества // Врач - 1899 - № 5 - С 1468
- 5 Кузнецов ММ Письма из-за границы // Летопись рус хирургии - 1897 - №4-6 - С 598-732,743
- 6 Кушталов Н Краткие заметки врача из заграничной поездки в 1908 г // Рус врач - 1909 - №3 - С 93-95
- 7 Покотило В Л Ошибка в хирургии // Новый хирург архив - 1926 - Т 10, кн 4 - С 660
- 8 Рус хирург архив - 1904, кн 5 - С 52-53
- 9 Спасокукоцкая МГ Жизнь и деятельность С И Спасокукоцкого 1870-1943 - М, 1960 - С 71-72,73
- 10 Таубер АС Современные школы хирургии в главнейших государствах Европы Кн 3 Французские и швейцарские школы (Вторая половина) - СПб, 1894 - С 489,490,521, 555,621,624,625,626,640,647,648,701,715,751,754
- 11 Торкачева М И Владимир Андреевич Опель Биограф // Вестник хирургии и погран областей - 1932 - Т XXVII, кн 82-83-84 - С 241
- 12 Турнер Г И Успехи хирургии за последние 25 лет // Рус врач - 1907 - №18 - С 601-606
- 13 Финкельштейн Б Рецензии и библиография // Рус врач - 1907 - №32 - С 1122, №41 - С 1432
- 14 Хирург вестник - 1892 - Дек - С 1435
- 15 Часовников ПГ К хирургическому лечению базедовой болезни // Вестник хирургии и погранич областей - 1930 - Т XX, кн 58,59,60 - С 58-71

Публикации И А Теличкина о Т Кохере

- 1 Теодор Кохер Эпизоды творческой биографии - Тамбов «Информатика», 1991 - 32 с
- 2 Теодор Кохер – первый нобелевский лауреат-хирург // За медицинские кадры [газ Крымск мед ин-та] - 1991 - 13 февр - № 6(629)

3 Теодор Кохер (184101917) – первый нобелевский лауреат-хирург - Севастополь Ахтиар, 1995 - 270 с

4 Теодор Кохер (К 150-летию со дня рождения) // Хирургия - 1991 - № 4 - С 171-173

5 Вы всегда учили благородству // Медицина газ - 1991 - 14 июня - № 24(5197)

6 Теодор Кохер (К 150-летию со дня рождения) // Вестник хирургии - 1991 - № 7-8 - С 137-139

7 Теодор Кохер (1841-1917) – первый нобелевский лауреат-хирург // Информатика и науковедение Тез докл к 2-й всесоюз науч конф, Тамбов, 10-15 сент 1991 г - Тамбов Изд-во МИНЦ, 1991 - С 162-163

8 Теодор Кохер – эпизоды творческой биографии // Врач - 1991 - № 12 - С 49-51

9 Теодор Бильрот и его школа // Врач - 1993 - № 11 - С 49-52

10 Выдающиеся представители германской хирургии, их связь с хирургией Украины и мировой культурой // Медицина и украинская культура Материалы конф, Киев, 23-24 дек 1993 г - Киев, 1993 - С 149-152

11 Швейцарский хирург Теодор Кохер (в воспоминаниях отечественных хирургов) // Клинич хирургия - 1994 - № 10 - С 74-75

12 Выдающиеся представители немецкой хирургии // Врач - 1995 - № 1 - С 45-48

13 К истории операции гастроэнтеростомии // Врач - 1997 - № 10 - С 46-47

ЕГО ГЕРОЯМИ БЫЛИ ЖИВОТНЫЕ

В.Д.Ильичев (Москва)

Конрад Лоренц – всемирно известный ученый, пролагатель новых путей в науке, и поэтому заслуженно, нобелевский лауреат, - для любителей животных еще и автор замечательных книг, любимых миллионами читателей во всем мире, в том числе и в России. Книг этих несколько, но самая известная из них «Кольцо царя Соломона», рассказывающая о животных, с которыми Лоренц дружил. Это и галки, и гуси, и кошки, и другие пернатые и хвостатые. Обо всех них написано так тепло и так много хорошего, что читатель, сам того не замечая, попадает в число его многочисленных «неофициальных» учеников. Их, конечно, много больше, чем «официальных», и они, подражая Лоренцу, каждый на своем уровне, теперь наблюдают за поведением своих любимцев. Главное же то, что они их очень любят, и любовь эта взаимная. Я уже не говорю о тех многих поколениях молодых людей, а к ним я причисляю и себя, которые стали профессионально изучать поведение животных, прежде всего, благодаря Лоренцу и его книгам. Вот об этой стороне жизни и деятельности нобелевского лауреата К.Лоренца я и хочу рассказать в своих очерках.

Мои встречи с Лоренцом

Берлин восьмидесятых. Еще разделенный на две части – Западную и Восточную. Так мы в Западной. Приехали, чтобы участвовать в XVII Международном орнитологическом конгрессе, а затем пригласить его участников на следующий конгресс, который должен состояться в 1982 г. в Москве. Я – во главе небольшой делегации, и времени почти не остается на осмотр достопримечательностей старинного города. А хочется посмотреть и то, и другое, и третье. Наконец, вырвался накоротке в Берлинский зоопарк.

Здесь он крохотный и весь закопан под землю, из-за нехватки места на поверхности. Видимо, поэтому главные его экспонаты – ночные животные. Со мной – несколько коллег. Съездили на нижние этажи, а затем поднимаемся наверх, в небольшой скверик, заросший старыми деревьями. Вдруг один из спутников – шепотом: «Смотрите, сам Лоренц». Сразу вспомнилось кратковременное знакомство на одном из симпозиумов, уже не помню где. Тогда нас представили, мы пожали друг другу руки и тут же расстались. Но я хорошо запомнил, что пожатие Лоренца было доброжелательным, а взгляд дружелюбным. Меня поразило еще и какое-то доверчивое выражение его глаз. Так смотрят дети – испытывающие и одновременно открыто.

Но в Берлинском зоопарке мне повезло больше. Во-первых, у Лоренца было время. Увидев нас, он приветливо кивнул и тут же остановил упряжку пони, на которой катил по аллее. При этом на его лице была написана неподдельная радость, как у ребенка, делающего что-то очень приятное. Было видно, что Лоренц очень любит этих маленьких лошадок, которые с самым серьезным видом везли крохотную тележку с великим ученым. А Лоренц слез с тележки, похлопал лошадок по мордам, что-то им ласково сказал, а уж потом направился к нам. Заметив меня, долго тряс руку. «Карашо», - сказал внезапно на ломанном русском, а затем остался поговорить. Прошлись по аллее, нашли полупустую скамейку. На одном ее конце сидела пожилая женщина с котом на коленях. Был он огромный и весь пушистый, явно из тех, кого, а Европе называют сибирскими, а в Америке – лесными или муин-кунами. Кот сразу же отметил близкое соседство Лоренца. Приподнялся и пристально посмотрел на него зелеными глазами. «Сейчас подойдет знакомиться», - шепнул мне Лоренц. И действительно, к изумлению хозяйки кот подошел к нам и совершил приветственный ритуал. Поднял хвост и покачал им, а лбом уперся в предплечье Лоренца и потерял о него голову. На меня кот не обратил никакого внимания. «Чужих он вообще не признает», - сказала хозяйка. - А уж чтобы приветствовать! Может быть, вы его видели на кошачьих выставках?» Но Лоренц никогда не посещал таких выставок и, естественно, видеть кота там не мог. «Просто я дружу с животными, а они со мной», - сказал Лоренц хозяйке.

Мы поговорили о последних этологических работах, представленных на конгрессе, и российских этологах, о том, как Лоренца любят в России, много переводят и читают. Я заметил, что слышать об этом Лоренцу было приятно, но время торопливо нас. На конгрессах его всегда не хватает. Мы расстались, а встретились уже на церемонии закрытия, чтобы наскоро проститься до следующей встречи. Она состоялась не скоро – на очередном симпозиуме, а одним из европейских городов.

Я очень надеялся. Что Лоренц приедет в Москву на XVIII Международный орнитологический конгресс осенью 1982 г. На этом конгрессе я был Генеральным секретарем и уж постарался бы сделать все, чтобы Лоренца приняли со всем возможным гостеприимством и почестями. Самому мне хотелось с ним поговорить о многом. Я чувствовал, что и ему хотелось того же, но, увы, наша встреча не состоялась. Зато от своего друга – ученого и писателя Л.Баскина – я узнал, что Лоренц провел несколько лет в России как военнопленный Великой Отечественной. Я не знаю, какие впечатления у него остались от тех времен, но то, что они никак не влияли на наши отношения, не сомневался. Видимо, о России и о русских у Лоренца осталось в памяти и много хорошего. Вот почему он сказал мне в Берлине ту короткую фразу, которая так запомнилась, как и весь облик – массивная голова с седыми волосами, с голубыми глазами, открыто, по-детски, смотрящие на мир.

О подробностях жизни Лоренца в российском плену я узнал позднее из статьи Леонида Баскина, опубликованной в журнале «Природа» (№7, 1992 г.). Она написана на основе тщательного изучения ведомственных архивов и потому предельно достоверна. К.Лоренц попал в плен в качестве лейтенанта медицинской службы, где-то под Витебском, 28 июня 1944 г. Несколько месяцев просидел в прифронтовом лагере и чужом выжил, а затем был лагерь в г.Кирове, была Армения и кавказский лагерь, потом подмосковный, в Красногорске. Уже после войны, в декабре 1947 г., его отпустили на родину. Именно в России он написал научную книгу «Введение в сравнительное изучение поведения» (сохранилась рукопись на немецком языке в 2-х экз.), и, видимо, задумал некоторые из популярных, каких, - неизвестно.

Для меня Лоренц был не просто известным ученым, работающим в новой области науки, он был еще одним из создателей литературы о животных, которая увлекла меня с детских лет. Я даже мечтал стать писателем, похожим на Киплинга, Сетона-Томпсона и, конечно, Лоренца. Мечта отчасти сбылась – теперь я не только зоолог, но и популяризатор-анималист. Пишу рассказы о животных, и, говорят, читателям они нравятся. Но мне всегда хотелось владеть пером настолько, чтобы писать как Лоренц, - литературным языком описывать поведение животных в реальных ситуациях. Ведь ко всем его заслугам можно прибавить еще одну – создание массовой литературы, предназначенной для широкого читателя, особого, научно-художественного стиля.

На каком языке разговаривать этологам

Первую книгу Лоренца, которую я прочел, была «Кольцо царя Соломона». В возрождении русской науки она имела особое значение. Впервые переведенная и изданная в России после долгого запрета этологии, она с триумфом обошла вся страну. И хотя позднее были переведены и опубликованы другие книги Лоренца («Человек находит друга» и «Год серого гуся»), значение «Кольца» невозможно переоценить. Не только биологи, но и вообще любители животных в те годы читатели ее внимательнейшим образом. А потом обращались к поведению своих подопечных, чтобы глядеть на них уже совершенно новыми глазами. Для широкого читателя это была не просто книга о животных, но еще как бы и научная книга. Она была написана каким-то совершенно новым для него, но понятным языком. И поэтому выполняла еще и роль своеобразного «учебного пособия» для любителей.

Этология среди других наук занимает особое место. В ней очень велико участие дилетантов. Это означает, что поведением животных занимаются не только профессиональные ученые, но и любители, которые, каждый на своем уровне, терпеливо собирают факты и пытаются их осмыслить с точки зрения известных им научных истин. Роль любителей в развитии этологии нельзя недооценивать. Главное заключается не только в их огромном терпении и острой сосредоточенности на каком-то одном, заинтересовавшем их вопросе, но еще и в свежем взгляде и подчас нестандартном подходе. Я всегда вспоминаю слова моего учителя профессора Г.И.Дементьева о том, что многие самые ценные научные идеи пришли в науку от дилетантов.

Лоренц, конечно, осознавал, какую роль в развитии науки играют любители. Для него не было сомнения в том, что научное любительство занимает в этологии свое законное и неоспоримое место. И что каждый ученый просто обязан помогать любителям, устанавливая рабочие контакты, общаясь на понятном для них языке. Сам по себе неустанный труд Лоренца по созданию книг, доступных широкому читателю, утверждает мысль о том, насколько большое значение придавал Лоренц этологическому просвещению. Существование любительской «прослойки» придавало этологии особый колорит. Это проявлялось не только в том, что большинство этологом стремились не только шире популяризировать свою науку, но создавать дополнительный, более упрощенный в терминологическом отношении язык, на котором они могли бы разговаривать с любителями. Именно эта черта, присущая большинству ученых-этологов, способствовала написанию ими большого числа популярных статей и книг. Пожалуй, никакая другая наука в мире не имеет такого просветительского сопровождения, как этология. Было бы наивно полагать, что эти тенденции не влияли на творческую активность Лоренца. Однако Лоренц не был бы Лоренцом, если бы видел свою задачу только в популярном пересказе своих научных исследований.

Лоренц был не только популяризован, но и литератором, причем литератором особого рода. Он понимал, что в книгах о животных, рассчитанных на широкого читателя, должен присутствовать и занимать значительное место литературный компонент, но он должен быть абсолютно корректным в фактологическом отношении. Настолько, чтобы все черты поведения, описанные в таких книгах, можно было бы использовать как научные факты. Доступно и занимательно излагать науку о поведении, при этом, пользуясь средствами художественной литературы, — такая задача была им поставлена еще в молодом возрасте и успешно решалась при написании книг в дальнейшем.

Для чего это было нужно, и какие это имело социальные последствия? Прежде всего, тем самым к изучению этологии подкочивалась огромная армия любителей, бескорыстных собирателей фактов, дилетантов в отношении специального образования, но знатоков конкретных вопросов, точных и скрупулезных наблюдателей, а в целом верных помощников ученых. Все, созданное Лоренцом, способствовало привлечению любителей, их посильному участию в изучении поведения.

Иногда мне кажется, что созданный Лоренцом литературный язык лучше характеризует этологию, чем ее собственный, строго научный. Он уже приобрел право на существование, поскольку именно на этом языке и Лоренц, и его последователи написали множество книг, снискавших признание читателей. Но при этом мы не должны смешивать литературно-этологический стиль Лоренца с популяризаторским, просветительским стилем, пользуясь которым писатель не ставит перед собой никаких литературных задач, кроме разъяснения научных истин на основе более доступного для понимания и терминологически упрощенного разъяснения научных достижений. Литературно-этологический язык способен на большее. Используя литературные приемы, он рассказывает о поведении животных, делая их своими главными героями, а предметом внимания — их взаимоотношения с людьми и между собой.

Конечно, становясь на этот путь, автор приближался к опасной черте, — очеловечиванию животных. В большей или меньшей степени этим страдали писатели-анималисты, начиная с Киплинга. Но, перефразируя известную фразу о том, что наши недостатки это лишь продолжение наших достоинств, мы не будем упрекать этих писателей, учитывая их огромное социальное воздействие и их избирательную любовь к своим героям-животным. Конечно, было бы совсем неплохо, если бы они проявляли больший этологический такт в описании поведения своих героев. Но это уже вопрос мастерства, а оно всецело зависит от квалификации автора как ученого и литератора. У Лоренца эти два компонента были сбалансированы и в творчестве давали удивительный сплав, который и рождал такие выдающиеся произведения, как «Кольцо царя Соломона». Это не всем дано, но стремиться к этому этолог

просто обязан,- в том случае, если он чувствует в себе художественную жилку и надеется быть понятым многими миллионами читателей.

Лоренц – «зеленый глаз»

Женщину, которая знает, как обращаться с растениями, как их выращивать и разводить, в народе издавна называют «зеленым глазом», нередко вкладывая в эти слова мистическое содержание. Лоренц был тоже «зеленый глаз», но по отношению к животным.

Я уже рассказывал о сцене с котом в Берлинском зоопарке, невольным свидетелем которой я был. Хотя мы были вместе с Лоренцем, кот отреагировал только на него, и его приветствие было обращено только к Лоренцу.

Сцены общения с животными в книгах Лоренца выписаны безупречно точно, как это делает современный фотоаппарат или хороший художник-анималист. Мне иногда кажется, что за экраном этих сцен звучит знаменитая фраза кипплинговского Маугли: «Мы одной крови – ты и я». Но все эти ситуации, описанные Лоренцем, не оставляют сомнений в их научной сущности. Лоренц всегда интересовался общением животных между собой и с человеком, тщательно изучал коммуникативные сигналы и их использование, в том числе и в композициях, в секвенциях (последовательностях). Судя по книгам, его интересовали, например, не только кошачьи позы, но и звуки, и химические средства общения, которыми пользуются кошки в самых различных жизненных ситуациях. Точно также вытянутая шея гусака одновременно с шипением означала для него один сигнал, а без шипения – другой.

В конце концов, изучая все эти сигналы, Лоренц собрал обширный архив, с помощью которого мог вызывать нужные ему ответные реакции животных. И при этом в распоряжении Лоренца были самые простые средства воспроизведения этих сигналов, среди которых ведущее место занимал его собственный голос.

И все же он добился, насколько можно судить по его книгам, поразительных результатов в том направлении, которое позднее стало называться управлением поведения животных. Много лет работая над этой научно-практической проблемой и считая себя последователем Лоренца, автор этих строк уже располагал сложнейшим арсеналом научно-технических средств, включая компьютеры, магнитофоны, синтезаторы звука, видеокomплексы и т.д. Что же касается Лоренца, то простота его экспериментов, нередко граничащая с гениальностью, особенно привлекала внимание любителей, всегда стремящихся общаться со своими питомцами на их языке, понять их сигнализацию и с ее помощью управлять их поведением. Именно в этом была притягательная сила научных достижений Лоренца, рассказанных им с такой подкупающей непосредственностью и высоким литературным стилем.

Прожив долгую жизнь, я неоднократно встречал людей, которые обладали, подобно Лоренцу, способностью как-то по особому понимать живот-

ных, общаться с ними и, в конечном счете, устанавливать партнерские отношения, изо дня в день сосуществуя рядом. Другие умели делать то же самое по отношению к диким и полудиким животным, оказавшимся волею судьбы в вольере или живущими на полной свободе в природе.

Прежде всего, мне всегда вспоминается одна московская любительница птиц, ныне здравствующая, поэтому назовем ее Н., а в те далекие годы учившаяся, как и я, в аспирантуре Московского университета. К этому времени я уже имел большой опыт содержания птиц в клетках и практически мог заставить любую птицу чувствовать себя рядом со мной «как дома», то есть нормально питаться, петь и постепенно ручнеть. Но на все это требовалось значительное время, а некоторые птицы в моем домашнем виварии так и не становились до конца ручными. В маленькой комнате, где жила Н., птицы свободно летали всюду, а когда им хотелось, залетали в клетки. Они становились ручными через несколько дней, и Н. для этого не предпринимала никаких усилий. Более того, по нашим птицеловным понятиям, она очень плохо ухаживала за ними, настолько плохо, что в наших клетках при таком уходе они бы погибали. Но у Н. птицы благополучно жили помногу лет.

Студент Ю. кончал кафедру зоологии МГУ на год позже меня. Он, как и я, был заядлым птицеловом. На этой почве мы быстро подружились и теперь уже вместе отправлялись в подмосковные леса за птицами. В птицеловной науке есть один очень тонкий момент, связанный с тем, что птицы спускаются с ветвей на землю, прыгая по определенным ветвям. При этом у каждой своя дорожка. У одной она кончается на крайних тонких веточках, а затем птица слетает на землю, у другой,- с веток потолще и ближе к стволу, а третья вообще слетает со ствола. Так вот, место на земле, куда птицелов ставит свою сеть, должно быть как бы продолжением этого пути вниз. Если сеть устанавливается слишком далеко от этого спуска, птица к сети не слетает. Когда мы с Ю. начали ездить, я уже был далеко не новичок в птицеловном деле,- меня учили старые птицеловы, за мной был богатый собственный опыт. И хотя мы с Ю. были сверстниками, я не мог тягаться с ним, поскольку он был «зеленым глазом». Совершенно безошибочно определял, куда нужно ставить сеть, и предсказывал поведение птицы, чувствовал его.

Позднее я встречал и других подобных людей. У одних в клетке размножались соловьи, хотя любой птицелов знает насколько трудно этого добиться. У других попугаи сразу же начинали подражать человеческой речи, причем это происходило быстро и не требовало длительной тренировки. Орнитизмом назвал я это явление, или, если говорить о животных в более широком понимании, анимизмом. Читая и перечитывая книги Лоренца, я увидел многие черты, подтверждающие, что Лоренц в какой-то степени был анимистом, обладал способностью устанавливать коммуникативные контакты с животными. Этим и объясняется успех его книг у читателей, и то, каким языком он их писал.

Прошло 11 лет с той поры, когда я встретился с Лоренцом в Берлине. 27 февраля 1989 г. его не стало. За год до этого ушел из жизни его ученик и последователь Нико Тинберген, тоже нобелевский лауреат. Оба они получили Нобелевскую премию «за исследования социального поведения животных». Оба они были похожи в своем стремлении писать книги о животных. Только у Нико Тинбергена книги получались другие. Но об этом – отдельный разговор.

ИМИТАЦИОННО-АКУСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ПТИЦАМИ

О.Л.Силаева (Москва)

Общение с птицей на основе подражания ее голосу всегда имело огромное значение для орнитологов, этологов, биоакустиков. Такое общение способствовало более глубокому изучению акустической сигнализации, поведения и рассудочной деятельности птиц.

К.Лоренц также много внимания уделял общению с птицами на основе подражания их сигналам. Он использовал собственные видовые сигналы птиц для контактов с ними, другими словами – он пытался общаться со своими ручными, полуприрученными и домашними птицами с помощью их собственного «языка». И ему это в значительной степени удавалось. Вспомним хотя бы его контакты с вороном Роу, большим желтохохлым какаду, галками, криквами, серыми гусями и другими птицами. В основе такого общения лежало глубоко знание исследователем акустической сигнализации животных, в частности, птиц. Это позволило ему заявить, что царь Соломон был не единственным человеком, способным разговаривать с животными. В середине XX в. Лоренц писал, ссылаясь на работы этологов, что «путем изучения «словаря» высокоорганизованных общественных видов млекопитающих и птиц можно достигнуть изумительного подражания и взаимного понимания» (Лоренц, 1970, с.6). Он утверждает также, что полное взаимопонимание между человеком и животным вполне возможно, и подкрепляет свое высказывание описанием эпизода общения этолога Альфреда Зейтца с утятами и гусятами (Лоренц, 1970).

Стремление человека установить имитационные контакты с птицами уходит своими корнями в глубокую древность, в эпоху становления звуковой активности самого человека, т.е. его речи и музыки. Признавая первостепенное значение звуковой среды в формировании человеческого языка, мы можем реконструировать становление имитационно-акустических контактов между птицей и формирующимся человеком в эпоху дореческого развития,

когда разнообразные звуковые имитации нашего предка, копирующие окружающую звуковую среду, легли в основу звуковой активности человека.

Однако, в современную эпоху имитационно-акустические контакты с животными, в частности с птицами, формировались человеком, находящимся на новом совершенном уровне развития своей акустической сигнализации. Именно такие имитации использовались Лоренцом и его современниками, их же продолжают использовать и сейчас этологи и биоакустики. При этом особого внимания заслуживают имитационные контакты человека с птицами, давшие начало элементам человеческого языка. Рассмотрим их более подробно.

Наиболее тесные контакты человека с птицами начались в период приручения их человеком, т.е. одомашнения. Приручение было бы невозможным без установления определенного рода экологических контактов между человеком и птицей. Основу этих контактов составили акустические. Голосовые и слуховые разрешающие возможности по частоте у человека и современных домашних птиц лежат примерно в тех же пределах. Вокализация этих видов разнообразна, но поддается расшифровке и классификации. Имитационный процесс охватывает не только звукоподражательную деятельность человека при общении с птицами, у него есть и другая сторона, это – так называемые говорящие птицы, которые, вступая в контакт с человеком, имитируют человеческую речь. Явление акустического общения человека с птицей основано, таким образом, на двойной имитации, то есть на взаимных, осознанных (со стороны человека) и неосознанных (со стороны птицы), попытках подражать голосу чужого вида.

Говорящая птица имитирует речь своего хозяина; человек имитирует голос птицы, общаясь с дикими и домашними видами. Общение, как с дикими, так и с домашними видами, возникло на основе имитации человеком их голоса, т.е. и у того, и у другого явления общие корни – самые разнообразные имитационные варианты сигналов птиц – от чисто голосовых и инструментально-манковых имитаций, включая магнитофонные записи сигналов птиц и синтезирование их сигналов, до лексических имитаций, сформировавшихся в процессе использования их человеком в звукоподражательные вокативы, существенные и глаголы, т.е. в звукоподражательную лексику.

В результате акустических контактов человека с птицами на основе сигнализации птиц образовалась целая имитационно-лексическая система общения. Что касается чисто голосовых, инструментально-манковых, а также лексических имитаций, типа «ку-ку, кар-кар», то в этих случаях почти нет сомнений в их звукоподражательном происхождении.

Попытаемся расшифровать единицы общения человека с домашней птицей, в частности с курицей, с биолингвистической точки зрения; вскрыть происхождение и корни слов кличка, т.е. позитивных вокативов общения с ку-